РОССИЯ И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ

Межвузовский сборник научных трудов

Нижневартовск
Издательство Нижневартовского педагогического института
1999

ББК 63.3(0)+81.2
Р 76

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Нижневартовского государственного педагогического института

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Тобольского государственного педагогического института;

кандидат исторических наук, доцент *Е.П.Мартынова*;

кандидат филологических наук, доцент *В.Д.Швайко*

Р 76 **Россия и Запад: Проблемы истории и филологии**: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Я.Г.Солодкин, М.Я.Блох. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1999. — 318 с.

ISBN 5–89988–076–7

В сборнике статей, подготовленном кафедрами истории и романо-германской филологии Нижневартовского государственного педагогического института, рассматривается широкий комплекс малоисследованных проблем прошлого России и стран Запада, развития русского и романо-германских языков в широком хронологическом (IX—XX вв.) диапазоне и разнообразных аспектах. В этих статьях, написанных авторами из восьми городов страны, вводится в научный оборот обширный фактический материал (отчасти архивный), в соответствии с новейшими теоретико-методологическими подходами решаются многие дискуссионные вопросы, ставится ряд проблем, значимых для углубленного анализа путей развития общества и языка.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений.

Р **0503010000–003** / **8П4 (03)–99** **Без объявл.** **ББК 63.3(0)+81.2**

ISBN 5–89988–076–7

© Издательство Нижневартовского педагогического института, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ 5

Максимов С.А.
«ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС» И ПРОБЛЕМА «РОССИЯ-ЗАПАД»: К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ 6

Петров Е.В.
ФОРМИРОВАНИЕ ГОСПОДСКОГО И РЫЦАРСКОГО СОСЛОВИЯ В АВСТРИЙСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В XII — XIV ВЕКАХ 16

Солодкин Я.Г., Терещенко А.А.
УКРАИНЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКОВ 24

Горбачев П.О.
П.П.ЛЯПУНОВ В 1605 — 1607 ГОДАХ 31

Солодкин Я.Г.
ПАЛИЦЫНЫ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА (Материалы к генеалогическому исследованию) 39

Мартынова Е.П.
ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОБСКИХ УГРОВ И РУССКИХ В XVII — XIX ВЕКАХ 46

Горбунова С.В.
ОБРАЗОВАНИЕ И СОСТАВ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ 54

Степанова В.В.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В НЕМЕЦКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1868 — 1870 ГОДАХ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГЕРМАНИИ 69

Терещенко А.А.
ТИПОЛОГИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1861 — 1900 ГОДАХ 88

Михеев П.В.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ КУРСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ 100

Дорожкин А.Г.
ГОСУДАРСТВО И ЧАСТНЫЙ БИЗНЕС В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОСВЕЩЕНИЕ ХАРАКТЕРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ГЕРМАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА 107

Цыганова И.В.
РУССКАЯ ПРЕССА ОБ АНГЛО-ЯПОНСКОМ СОЮЗНОМ ДОГОВОРЕ 1902 ГОДА 113

Тен В.А.
СУДЬБЫ ПЕРВЫХ КОРЕЙСКИХ ИММИГРАНТОВ В США (НАЧАЛО XX ВЕКА) 118

Васильева С.Н.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО О ВОЕННОПЛЕННЫХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 132

Скробов В.С.
ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ НА УРАЛЕ (ОКТЯБРЬ 1917 — АВГУСТ 1919 ГОДОВ) 148

Цысь В.В.
ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВОЙ АРМИИ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ 1920 ГОДА 161

Книжников Н.Н.
К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 169

Плотников И.Е.
ЗАВЕРШЕНИЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ (ОСЕНЬ 1930 — ВЕСНА 1933 ГОДОВ) 181
Алексеева Л.В.
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ УРАЛА НАКАНУНЕ И В ХОДЕ «СПЛОШНОЙ» КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 198
Прищепа А.И.
О НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРАЛЕ (60 — 80-е ГОДЫ XX ВЕКА) 207
Бурханов Р.А.
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА 218
Исаев А.А.
ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ В «СЕМИРАМИДЕ» А.С.ХОМЯКОВА 224

ЧАСТЬ II. РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ И СЛАВЯНО-РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ..236

Гинзбург Л.Г.
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПИСАТЕЛЬСКОМ МИРЕ..... 237
Ротова Л.Н.
ЛОГИЧЕСКОЕ И СЕМИОТИЧЕСКОЕ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА 249
Шурыгин Н.А.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ МЕЖСИСТЕМНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ 260
Блох М.Я.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ И СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА 269
Саурбаев Р.Ж.
КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАМКАХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ (на материале английского языка)..... 273
Щербина С.И.
К ВОПРОСУ О ДОКИРИЛЛОВСКОМ СЛАВЯНСКОМ ПИСЬМЕ 282
Баракова О.В.
ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVII ВЕКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (на материале книг таможен северного речного пути)..... 289
Нефёдова Л.А.
РОЛЬ КОРЕФЕРЕНТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В СМЫСЛОВОМ ОБОГАЩЕНИИ ТЕКСТА 297
Перельгут Н.М.
О НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРАХ РАЗВИТИЯ ТЕКСТА В НОВОАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД (на материале художественной прозы) 300
Никишина С.А.
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ (на материале алфавитной группы глаголов)..... 309

Часть I

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Я.Г.Солодкин, А.А.Терещенко
г.Нижневартовск, г.Курск

УКРАИНЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКОВ

Рассмотрение вопроса о роли украинцев в обороне рубежей Московского государства представляется важным как в аспекте изучения русско-украинских связей, так и с точки зрения анализа военной организации средневековой России.

По свидетельству автора «Казанской истории», в числе многих «иноязычных служащих царю» 10 тысяч черкас, половина которых находилась в ертоульном полку, участвовало в победоносном походе на Казань в 1552 г.[1] В 1562 г. после возвращения на королевскую службу князя Дмитрия Вишневецкого громившие ранее под его началом татар украинские атаманы Савва Балыкчей Черников, Михаил Алексеев, Федор Ялец, Иван Пирог Подолянин, Иван Бровка, Федяй Яковлев со своими казаками ушли в Москву[2]. В составе русской армии, сражавшейся с татарами при Молодях десять лет спустя, насчитывалась тысяча литовцев, немцев, каневских черкас[3]. В этой битве принимал участие и ранее тесно связанный с московским правительством герой исторической песни «атаман польский» Михаил (Мишка) Черкашенин[4], погибший при обороне Пскова от войск Стефана Батория[5].

О служилых черкасах говорится в одной из разрядных росписей за 1575 г.[6] В боярском списке 1577 г. калужский дворянин В.Т.Шарапов значится с пометой «у черкас»[7]. В царской грамоте путивльскому голове Зиновьеву (1589 г.) сказано, что с ним велено «отпустить в Поле с Путивля 45 черкас»[8]. Черкасские выезжие атаманы Василий Андреев и Агей Мартынов «с товарыщи» стали нести в Путивле сторожевую службу «из поместья и жалования». На Донец из Запорожья в поисках «пригожего места» пришел атаман Матвей Федоров с 670 казаками «государю служить над крымскими людьми, промышлять государевым делом». Царь послал Федорову «пансырь да шелом, да тулумбас, да сукна портище лундышу, да в приказ пять рублев, да атаманам лутшим и ясаулом пятьдесят человек по сукну по доброму, а достальным всем на шестьсот на двадцать человек на раздел сто рублев». Казаки получали муку с толокном. На Донце служили и черкасы во главе с атаманами «Юшкой» Лопатиным, Иваном Размазнею, Трущею Черкашениным, Григорием Дементьевым, Федором Жулидором и «Иванком» Белоусом[9]. О регулярных связях московского правительства с Сечью свидетельствуют известия конца XVI в. про службу путивльского помещика С.К.Домнина «в запорозских черкасав в приставех», запорожских «посылках»[10]. Согласно указной путивльской грамоте путивльскому воеводе И.С.Вахромееву (май 1589 г.), в Россию выехали «из Запорог» черкасский атаман Федор Гороховский с «товарищами» Григорием Русальским, Войтехом Стужинским, Войтехом Онсовским, Иваном Якимовым Русаком (последний «вышел с ним с Поля»), 11 других «товарищей» Гороховского уже живут в Путивле, но «жалованьем не верстаны». Атаману было установлено жалованье в 11 руб. (4 руб. было «дано ему на Москве»), Г.Русальскому, В.Стужинскому, В.Онсовскому — в 6 руб., остальным — в 3 руб.[11]

Согласно приходо-расходной книге Соловецкого монастыря за 1589/90 — 1590/91 гг., тогда в знаменитой обители несли службу черкасский атаман Василий Халецкий и «черкасы серпуховские»[12]. 7 января 1592 г. русские войска, включавшие «панов и сербян и черкасов 90 человек», двинулись из Сумского острога Соловецкого монастыря «в каянские немцы» (боевые действия на территории Финляндии продолжались восемь недель). В том же году на Соловках «летовали» черкасы под началом панов Севастьяна Кобельского и Войтеха, а также сына боярского В.Сараева. В преследовании за Окой крымского хана, бежавшего из-под Москвы летом 1591 г., участвовали запорожские казаки. В осаде Ругодива в феврале 1590 г., ставшей центральным эпизодом русско-шведской войны, принимала участие сотня черкас[13]. В следующем году вместе с грузинскими послами из Москвы «на службу на Терек» была «отпущена» сотня иноземцев — «литвы», немцев, черкас — ротмистра Захария Просовецкого[14]. Сотня черкас провожала в 1592 г. отправленных в Турцию посланников Г.А.Нащокина и А.Иванова, которые плыли из Данкова на Азов и Кафу[15].

Несколько верстанных украинских атаманов, например, К.Мелентьев, насчитывалось в конце XVI в. в Рязанском уезде. В Путивле в 1594 г. черкасам принадлежало 69 дворов. Черкасы Ленард, Матвей и Янка Григорьевы владели бортным ухожьем близ Путивля. Черкасы Василий Лукьянов сын Болдырь и Гаврила Сохнов имели по 30 четей земли под Путивлем, за Болдырем и «черкашенином» Василием Овдокимовым сыном Полочанином числилась и земля на оброке[16]. 53 черкаса, согласно Путивльской отдельной книге 1594 г., «земель не взяли», в том числе «Ромодан конный мастер»[17]. Среди путивльских землевладельцев в том же документе указаны белодворец Иван Черкашенин с детьми Иваном и Богданом[18]. В Воронеже в 1594 г. несли службу 20 черкас атамана Василия Воронова и 5 (переведенных с Ливен) атамана Гаврилы Михайлова. Воронежские черкасы (среди них в документах упомянуты Милован Ветров, Анисим Росихин, Руданко Салманов, Иван Коптев, Остап Снетовской, Федор Корнатов и некий Григорий) были подчинены казачьему голове Б.Л.Хрущеву и казачьему сотнику М.Качалову. Служившие в Воронеже украинцы проживали в Стрелецкой слободе, «стояли» во дворах местных стрельцов. Воевода И.Ф.Кобяков, стрелецкий голова И.Арсеньев, казачьи сотники жаловались царю, что местные черкасы «корчмы у себя медвяные держат», «сытят мед на продажю и пиют в день и ночи и зернью играют», а также вместе с воронежскими казаками «ездячи по бортничьим вотчинам», грабят тамошних бортников. В июне 1594 г. черкасы наряду с этими казаками преследовали появившихся у Дона татар[19]. Сотня черкас несла службу в 1600 г. в Михайлове; в 1616 г. там было уже 400 черкас[20]. Украинские казаки участвовали в возведении Валуек и Царева-Борисова в 1599 г.[21] Годом прежде Черкас Иван Александров Корсак являлся атаманом служилых конных татар в Тобольске. По допущению Е.К.Ромодановской, он мог принимать участие в создании казачьего «Написания» о сибирской экспедиции Ермака, которое получил архиепископ Тобольский Киприан Старорусенков[22]. Сыновья Черкаса Александрова, являлись тобольскими детьми боярскими; один из них, Афанасий, был атаманом новокрещенных татар[23]. Черкасы уже в 1601 г. числились в сургутском гарнизоне. Из сметного списка 1608 г. известно, что в Сургуте была отдельная станица «литвы и черкас»; в следующем году ее возглавил Тренька Деев[24]. В конце XVI в. в Сибири служили и другие черкасы. Мы находим их в Тюмени, Тобольске, Пелыме, Таре; они участвовали в строительстве Лозьвы, Пелыма, Тары и, очевидно, острога в Епанчине юрте[25]. Уже в конце XVI в. черкасы отправлялись в сибирскую ссылку. Из царской грамоты «на Верхотурье» от 17 мая 1598 г. узнаем о «посылке» в Тару черкас Андрея Михайлова и Анисима Нестерова. В феврале следующего года в Березов «на житье» было выслано из Москвы сорок «опальных людей», в том числе «черкашенин» Федор Григорьев[26]. Возможно, со временем они сделались служилыми людьми.

По соглашению Москвы с Войском Запорожским (1592 г.), за денежное и хлебное жалование оно обязывалось защищать южнорусские границы от крымцев[27]. В мае 1600 г. запорожцы побывали на приеме у царя Бориса. Видимо, речь шла о совместной борьбе с Крымом и Турцией[28].

Посетивший Россию в 1588 — 1589 гг. английский дипломат Д.Флетчер писал о том, что в России служит около 4 тысяч черкасов, подвластных полякам, из которых 3,5 тысячи размещены по крепостям[29]. По сообщению Ж.Маржерета, оставившего знаменитые записки о России начала XVII в., московский государь мог набрать на службу «от трех до четырех тысяч» черкас[30].

В боярском списке 1602 — 1603 гг. говорится о том, что тульский выборный дворянин С.И.Данилов находится «у черкас на Дедилове»[31]. Спустя несколько лет, во время восстания И.Болотникова, взятый в плен дедиловский черкасский атаман Василий Петров был «прислан» к Москве из-под Серебряных Прудов. Черкасы в 1606 г. служили в Туле. Их «порудчик» Роман Клюновский был тогда послан из столицы с царскими грамотами в Тулу, Дедилов, Крапивну[32]. По «Летописи о многих мятежах», в 1607 г. запорожцы пополнили войска Болотникова[33]. Из татищевских набросков о царствовании Василия Шуйского мы узнаем об участии 10 тысяч запорожцев в рядах повстанцев в сражении на Вырке[34]. И по имеющимся источникам можно сделать («почти наверное») вывод о присутствии запорожских казаков в отрядах восставших на Вырке[35]. В 1607 — 1608 гг. правительство Василия Шуйского послало жалование черкасам[36].

Черкасы были в составе русской армии, двинутой против Лжедмитрия I[37]. Адресованная в Тюмень царская грамота 1607 г. предписывала послать «на колмаков ратных людей», в том числе черкас. Они же участвовали в «соляном походе» 1620 — 1621 гг. к Ямышевскому озеру (опять-таки из Тюмени), но «бежали в Колмаки»[38]. В 1610 г. черкасы несли службу в Пелыме[39]. Они сражались в рядах Первого земского ополчения, преимущественно в отряде братьев Просовецких в Суздале, хотя там их было много меньше, чем у второго самозванца. На закате Смуты черкасы служили и шведам, а в 1614 г. на севере России собрались предложить свои услуги правительству Михаила Федоровича. Три украинских казака, ранее служивших под началом А.З. и И.З.Просовецких в рядах Первого ополчения, перешли на сторону Второго ополчения и 12 мая 1612 г. по указу «бояр и воевод и по совету всей земли» получили крупные поместья в Суздальском уезде. В 1613 г. черкасы несли службу в Туле. Полк Ж.Конши, участвовавший вместе с другими отрядами украинского гетмана П.Сагайдачного в нашествии на Москву в 1618 г., остановившись в Калуге, послал Михаилу Федоровичу челобитную относительно приема на службу, и русское правительство вскоре пошло навстречу черкасам[40]. В 1616 — 1617 гг. в Рязани несли службу 32 «кормовых» черкаса, а в Дедилове — 30 (во главе с атаманом Леонтием Милешовым). Тогда же московское правительство объявляло, что «черкасы многие с вогненным боем», т.е. вооруженные пищалями, вместе с другими иноземцами и русскими людьми находятся в Мценске, Веневе, на Крапивне, Дедилове, Епифани[41].

В числе сосланных в Сибирь в первые годы после «разорения русского» было немало черкас, в том числе запорожский атаман М.Скиба. Несколько партий «изменников черкас» отправили в 1624 г. в Тобольск, а оттуда в Томск и Сургут[42]. Ссыльные черкасы служили в конце 20 — начале 30-х гг. XVII в. в Мангазее, например, Алексей Шафран. Среди основателей Енисейска в 1618 г. был тобольский стрелецкий сотник черкас Иван Андреев сын Рукин; он же «ставил» Маковский острог на берегу реки Кеть[43]. По сведениям «разрядов», систематизированным К.Б.Газенвинкелем, в 1625 — 1631 гг. в Кузнецком остроге насчитывалось 14 — 20 черкас, в Томске в это же время — 17 — 21 «литвы» и черкас, в Мангазее в 1629 — 1636 гг. служило 3 — 4 «литвина» и черкаса, в Тобольске конной «литвы» и черкас в 1625 — 1627 гг. было 102, в 1628 г. — 86, в 1689 — 1636 гг. — от 116 до 128, в Тюмени их служило 9 в 1625 — 1627 гг., 17 — в 1628 г., 40 — в 1629 — 1636 гг., а пеших казаков и черкас там находим 68 — 70 за 1625 — 1631 гг. и 172 в 1635 — 1636 гг., в Таре из 252 конных казаков в 1635 г. на долю «литвы», черкас и «немец» приходилось 27, затем туда была прислана сотня черкас и «немец» из Нижнего Новгорода; 24 — 27 литовцев и черкас служило в те же годы в гарнизонах Пелыма, Березова, Сургута[44]. По подсчету А.В.Чернова, черкасы вместе с иноземцами в 1630 г. составляли 3% численности русской армии[45].

С начала 1630-х гг. переселение украинцев в пределы Московского государства принимает массовый характер. В отписке воеводы Ромодановского от 20 ноября 1632 г. сообщается о выезде в Рыльск 174 черкас с семьями. По распоряжению белгородского воеводы П.Пожарского в Курск переводится 101 украинский переселенец. В конце 30-х гг. XVII в. в Курске насчитывалось не менее 300 «выезжих черкас». Яблоновский воевода Д.Львов сообщал в 1638г. о переселении 4000 украинцев. Принятым на службу черкасам выдавали денежное жалование «для селитьбы» и выполнения обязанностей по охране границ, их наделяли землей, покосами и рыболовецкими угодьями, им предоставляли хлеб и военное снаряжение. Так, в Курске выдали жалование 286 черкасам, в Усерде — 196, в Воронеже — 175 (1640 — 1641 гг.)[46]. Наряду с военной службой «нововыезжие черкасы» занимались сельским хозяйством, ремеслом, промыслами, торговлей. Среди них были мельничные, селитренные, тележные мастера. Украинские купцы с разрешения московского правительства торговали «беспошлинно и повально» хлебом, конями, рыбой, шубами, книгами и другими товарами[47].

По отношению к выходцам из Украины русские власти осуществляли покровительственную политику. Черкас оберегали от закрепощения, захвата их земель, а беглых не выдавали польско-литовской администрации. Из порубежных городов многие украинцы переводились в глубь России. Отдельные черкасские слободы имелись в Рыльске, Белгороде, Курске, Короче, Валуйках, Усерде, Кромах, Туле и других городах. Черкасы не только являлись участниками борьбы с татарами, но и возводили либо ремонтировали крепости на русской «украйне». К примеру, около трех тысяч черкас во главе с гетманом Яцко Остряниным строили Чугуев, там их велели «устроить на вечное житье». Вместе с русскими украинцы сооружали «городок» в Костенках, Ольшанский острог, обновляли крепость в Епифани[48].

Приведенные факты свидетельствуют о весьма существенной роли украинцев в обороне южных рубежей России. Это наряду с экономическими и культурными связями двух народов создавало условия для вхождения «Малороссии» в состав Московского государства в третьей четверти XVII в.

Примечания

[1] Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М., 1985. С. 462, 464. В комментариях к популярнейшей «красной повести» о «казанском взятии» под черкасами ошибочно понимается северокавказский народ, т.е. черкесы (Там же. С. 620).

[2] Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — XVIII вв. М., 1979. С. 72—74; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 73.

[3] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1978. Т. 34. С. 224. См. также: Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4.

[4] Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 г. // Из истории межславянских культурных связей. М., 1963. С. 58; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция… С. 74.

[5] ПСРЛ. Т. 34. С. 193. По сведениям поляков, он командовал в Пскове отрядом из 2500 стрельцов (Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) / Пер. с польского О.Н.Милевского. Псков, 1882. С. 91). Известно, что Иван IV дал вклады (30 и 25 рублей) в Иосифо-Волоколамский монастырь по Ивану и Александру Черкашениным (Зимин А.А. Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. // Из истории феодальной России: Статьи и очерки. Л., 1978. С. 79. Примеч. 20). В книге раздачи денежного жалования дворовым царя Ивана от 20 марта 1573 г. с весьма высоким окладом в 25 рублей упомянут Степан Васильев сын Черкашенин (Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. 4. С. 22), служивший позднее в выборных дворянах по Ржеву (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 137, 309).

[6] См.: Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV — XVII вв.: С образования централизованного государства до реформ при Петре I. М., 1954. С. 88.

[7] Боярские списки… Ч. 1. С. 93.

[8] Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1. С. 137.

[9] Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1868. Т. 20. С. XXXI.

[10] Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 125, 128.

[11] Там же. С. 128—130. Трехрублевое жалование получили не 14, как сказано в документе, а 12 человек. В 1594 г. Войтех Онсовский (Осковский) значится в числе беспоместных путивльских черкас (Там же. С. 206), но ни Гороховского, ни трех других его товарищей, перебравшихся в Путивль пятью годами раньше, там уже не было.

[12] Российский государственный архив древних актов. Ф. 1201. Оп. 1. № 5. Л. 48—49.

[13] Разрядная книга 1559 — 1605 гг. М., 1974. С. 259, 272; Разрядная книга 1475 — 1605 гг. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 159, 218; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 203, 205; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 241; Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 179.

[14] Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 237.

[15] Шереметев С.Д. Царевна Феодосия Федоровна. 1592 — 1594 гг. // Старина и новизна: Исторический сб. СПб., 1902. Кн. 5. С. 251.

[16] Аппилогов Г.Н. Новые документы… С. 116, 133, 204—206, 250, 251, 254, 255, 271 (О В.О.Полочанине см.: Там же. С. 267, 270); Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С.16; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: «Смута». М., 1988. С. 23, 109, 149.

[17] Анпилогов Г.Н. Новые документы… С. 117, 206. В конце этого документа говорится о 52 беспоместных черкасах (Там же. С. 299). Р.Г.Скрынников неточно пишет про 43 таких казаков.

[18] Анпилогов Г.Н. Новые документы… С. 223—224.

[19] Там же. С. 379, 383—384, 396, 398, 401; Глазьев В.Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI века // Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 11.

[20] Станиславский А.Л. Гражданская война… С.60.

[21] Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891. С. 12—13, 21; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: «Смута». С.34.

[22] Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973, С. 49—51; Она же. К биографии Черкаса Александрова // Сургут: Сибирь: Россия: Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995. С. 116, 120; Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 116—117, 129—134, 145—146, 153—154. Примеч. 8.

[23] Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 94, 95, 98, 145, 249, и др.; Тобольский архиерейский дом в XVII в. / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 240—241, 251.

[24] Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1654 г. Харьков, 1893. С. 3, 10; Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1900. Ч. 3. С. 214—215; Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 98, 120; Никитин Н.И. Казачество Сургута в XVII в. // Сургут: Сибирь: Россия… С. 100. Н.И.Никитин думает, что сургутские черкасы вышли из военнопленных.

[25] Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 288, 359, 364, 365, 384, 385; Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1901. Ч. 4. С. 138—139; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М., 1982. Вып. 1. С. 19; Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI — XIX вв. Тобольск, 1997. С. 36. По Г.Ф.Миллеру, сибирские черкасы происходили из пленных.

[26] Верхотурские грамоты… Вып. 1. С. 28, 31. В указателе к текстам грамот, составленном Т.Н.Алексинской, последний отождествляется с колодником из «новокрещенов», посланным «на Верхотурье» «с Казани» в апреле 1601 г. (Там же. С. 91; М., 1982. Вып. 2. С. 255). Это, несомненно, ошибка.

[27] Станиславский А.Л. Гражданская война… С. 11. Путивльский казак Г.А.Конашев в челобитной 1641 г. напоминал, что при царе Федоре Ивановиче посылался с Ю.Беззубцевым (известным деятелем Смуты) «в Запороги» с государевым денежным жалованием, а в царствование Бориса Годунова ездил туда же с деньгами и сукнами, будучи спутником И.Оладьина (Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы: В 3 т. М., 1954. Т. 1. С. 317).

[28] Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 120. Примеч. 64; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: «Смута». С. 216—217.

[29] Проезжая по Московии (Россия XVI — XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991. С. 79. Ср.: С. 88. По Г.И.Герасимовой, черкасы, о которых пишет Флетчер,— польские пленные или выходцы из Польши, поселенные на юге России, а также украинцы (Там же. С. 347. Комм. 105). Несомненно, англичанин имел в виду украинцев, т.к. другие жители Речи Посполитой, зачислявшиеся на «государеву» службу, назывались литвинами или ляхами.

[30] Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 178. Мнение о том, что они были наемниками (См.: Морозова Л.Е. Федор Иванович // Вопр. истории. 1997. № 2. С. 58), трудно признать оправданным.

[31] Боярские списки… Ч. 1. С. 223. В том же документе сообщается о посылке И.Д.Кобылина на Белую «для приходу черкас» (Там же. С. 241). Согласно Бельской летописи, в 1602 — 1603 гг. «были заставы в Вольском и Торопецком уездах от литовского рубежу», т.к. в нарушение «мирного поставленья» литовцы «рубежей разводить не дали» и захватили «многие места московских городов» (ПСРЛ. Т. 34. С. 240). По В.И.Корецкому, эти заставы должны были предотвратить вторжение запорожских казаков, возвращавшихся из Ливонии (Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 201). Возможно, русское правительство опасалось нападения черкас на Белую. Вспомним, что в 1590 г. они сожгли Воронеж (Анпилогов Г.Н. Новые документы… С. 62, 81).

[32] Восстание И.Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С . 278, 288.

[33] Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 153.

[34] Татищев В.Н. История Российская. М; Л., 1966. Т. 6. С. 316. По мысли В.И.Корецкого, это известие восходит к летописи Иова-Иосифа «о разорении русском», пропавшей после смерти В.Н.Татищева (Корецкий В.И. О формировании И.И.Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVI — XVII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 131). Но в тех же набросках о царствовании Шуйского, где читаем про битву на Вырке, В.Н.Татищев пишет о наличии 8 тысяч запорожцев в отряде прибывшего к Лжедмитрию II Лисовского (со ссылкой на Петрея, Пясецкого, Лудольпа) и поражении поляков и запорожцев под Брянском в конце 1607 — начале 1608 гг. (с указанием на труды Лудольпа и Пуффендорфа). См.: Татищев В.Н. История Российская. Т. 6. С. 319, 320.

[35] Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание под руководством И.И.Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны… С. 335. См. также: История Украинской ССР. Киев, 1953. Т. 1. С. 195—196; Станиславский А.Л. Новые документы о восстании Болотникова // Вопр. истории. 1981. № 7. С. 75.

[36] Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 184.

[37] Боярские списки… М., 1979. Ч. 2. С. 92, 93.

[38] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 93, 195, 307, 560. В 1624 г. в Тюмени служил Матюшка Черкашенин (Там же. С. 574), происходивший, вероятно, из украинцев. Возможно, из ссыльных вышел Максимко Черкашенин, который в 20 — 30-х гг. XVII в. был в числе «деловых людей» архиепископского дома в Тобольске (Тобольский архиерейский дом… С. 123, 133, 169). В 1675 г. среди тобольских конных казаков встречаем Василия Федорова сына Черкашенина (см.: Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1969. Т. 1. С. 465), очевидно, потомка украинского выходца.

[39] Верхотурские грамоты… Вып. 2. С. 229.

[40] Станиславский А.Л. Гражданская война… С. 35, 42—43, 69, 107, 198. Ср.: С. 202, 238. См. также: ПСРЛ. Т. 34. С. 257.

[41] Временник общества истории и древностей российских при Московском университете. 1849. Кн. 3. Материалы. С. 41, 49, 57, 63, 125. См. также: Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи. М., 1913. Вып. 7. С. 2; Сташевский Е. Смоленская война 1632 — 1634 гг.: Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 10, 20.

[42] Катанаев Г.Е. Киргизские степи. Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Зап. Западно-Сибирского Отдела имп. Русского географического общества. Омск, 1893. Кн. 14. Вып. 1. С. 5; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 167; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 84; Древний город… С. 125.

[43] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 42—45, 243, 244, 248—251, и др.; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 169, 180, 186, 187, 195, 297; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 98, 145, 146, 153, 261; Тобольский архиерейский дом… С. 125.

[44] Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892. С. 56, 63, 66, 67, 73, 74, 76. По мнению исследователя, черкасы были «поверстаны в службу» из пленных.

[45] Чернов А.В. Вооруженные силы… С. 130.

[46] Из истории Курского края: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1975. С. 27—29, 33; Терещенко А.А. Участие украинских переселенцев в обороне южных рубежей России во второй четверти XVII в. // Российская провинция и ее роль в защите Отечества. Кострома, 1995. С. 13—15; Он же. Переселение украинцев на территорию Курского края во второй четверти XVII в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М.; Брянск, 1996. С. 64. См. также: Апанович Е.М. Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648 —1654 гг. // Воссоединение Украины с Россией: 1654 — 1954: Сб. статей. М., 1954. С. 81—103; Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. Воронеж, 1998. С. 50, 174.

[47] Терещенко А.А. Экономические связи Курского края с Украиной в 20 — 40-е гг. XVII в. // Юг России в прошлом и настоящем: Экономика, политика, история, культура. Белгород, 1996. С. 19—21; Он же. Экономические связи Курского края с Украиной в 20 — 40-е гг. XVII в. // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX в. Курск, 1996. С. 59—64.

[48] Терещенко А.А. Переселение украинцев… С. 62—63; Он же. Участие украинских переселенцев… С. 16; Фомин Н.Н. Казачество и Тульский край // Щит Отечества: Сб. материалов к межрегиональной военно-исторической научной конференции «Вооруженные силы России и Тула». Тула, 1996. С. 7. В 1643 г. «черкашенин» Алешка «бил челом во крестьяне» курскому сыну боярскому Д.А.Горбулину, но затем сумел освободиться (Новосельский А.А. Вольные и перехожие люди в южных уездах Русского государства в XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб. 5. С. 65—66).

П.О.Горбачев
г.Курск

П.П.ЛЯПУНОВ В 1605 — 1607 ГОДАХ

В начале XVII столетия Московское государство переживает первую в своей истории гражданскую войну. В литературе и историографии с легкой руки подьячего Посольского приказа Г.К.Котошихина эти времена стали называть смутными. Смута являет нам время разорения и разрухи, когда поднялись и забурлили «низы», когда моральное разложение достигло невиданных размеров, поразив все слои общества. Кризис государственной власти, сопровождавшийся борьбой внутри господствующего сословия, был отягощен иностранным вмешательством. Чрезвычайно богато смутное время на разнообразные события и колоритные личности. Одной из ярчайших фигур среди них выступает прославленный рязанский дворянин Прокопий Петрович Ляпунов, возглавивший Первое земское ополчение. С его именем обычно связывают борьбу за политическое возвышение служилого сословия — дворянства. Именно в годы Смуты благодаря усилиям П.Ляпунова наметился процесс консолидации дворян, началось постепенное превращение этого сословия из служилого в господствующее при Екатерине Великой. Но как ни странно, специальных исследований, посвященных жизни и деятельности Прокопия Ляпунова, практически нет. Его личность удостаивалась лишь попутного упоминания в трудах историков, он характеризовался как один из деятелей смутного времени. Сведения энциклопедий и словарей по отечественной истории о П.Ляпунове носят весьма общий характер.

Очевидно, что давно назрела необходимость в биографическом очерке о выдающемся уроженце Рязанской земли. Период его жизни, с 1605 по 1607 гг., знаменательный активным вмешательством рязанского дворянства во внутриполитическую жизнь государства, никогда не становился предметом специального рассмотрения как в отечественной, так и в зарубежной историографии[1].

В конце 1604 г. в связи с началом скрытой польской интервенции и продвижением отрядов Лжедмитрия I рязанцы Ляпуновы освобождаются от политического надзора правительства Бориса Годунова, установленного после того, как Ляпуновы вместе с Кикиными возглавили народное выступление (после кончины Ивана Грозного в 1584 г.) в Москве против Богдана Бельского — опекуна царя Федора Ивановича. Тогда родной брат царицы Ирины лично расправился с ними, отправив служить по окраинным городам Московского государства, не ликвидируя при этом их землевладения в Рязанском уезде[2]. Ляпуновы привлекаются на ратную службу вместе с другими дворянами. В «Росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 г.», от Рязани значатся лишь Федор Измайлов и Григорий Сумбулов. Отсутствие в списке остальных рязанцев, в том числе и Ляпуновых, объясняется утратой части источника[3].

Зиму и весну 1604 — 1605 гг. рязанцы стоят лагерем под Кромами, блокируя непокорный гарнизон, возглавляемый Андреем Карелой. По нашему предположению, этот казачий атаман вполне мог быть знаком заочно с Ляпуновым, т.к. еще в 1603 г. к польскому королю Сигизмунду III бояре тайно посылали племянника Прокопия Ляпунова, который «обнадежил крепко поляков, от имени бояр просил короля, чтоб тот помог самозванцу». И хотя есть мнение, что «этого и не было на самом деле», обращаем внимание на посылку с Дона от ка-

Часть II

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ И СЛАВЯНО-РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Л.Г.Гинзбург
г.Нижневартовск

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПИСАТЕЛЬСКОМ МИРЕ

Великие люди обречены на нескончаемый, неослабевающий от поколения к поколению интерес к прожитой ими жизни. Писатель — это человек огромного сердца и неуемного темперамента. Спокойные люди редко становятся писателями. Собственно, литература и начинается там, где кончаются трезвость разума и начинаются чувства, размышления, переживания.

Писать о частной жизни великих людей — дело непривычное для нашего пуританского литературоведения. Поэтому о них во все времена слагались легенды и анекдоты. Недостаток официальной информации всегда порождал слухи, иногда настолько невероятные, что еще неизвестно, правда или досужие вымыслы дискредитировали историю русской литературы.

Суд современников редко бывает справедлив. Истинную цену человеку определяют обычно потомки. И все же оценки современников не менее интересны. Тем более, что они бывали разные, подчас неожиданные.

Например, в свое время школьные сочинения А.П.Чехова никогда не оценивались выше тройки. М.Е.Салтыков-Щедрин, написав однажды сочинение за свою дочь, получил двойку, да еще с припиской: «Не знаете русского языка!». А.С.Пушкин, с восторгом написавший в юности: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил», в зрелые годы предлагал большинство произведений Державина сжечь. Интеллектуал П.А.Вяземский часто критиковал произведения И.А.Крылова. Критики-демократы (Н.Г.Чернышевский, Д.И.Писарев) отказывали в звании поэта А.А.Фету и Я.П.Полонскому, ставили М.Ю.Лермонтова выше А.С.Пушкина, а первым поэтом считали Н.А.Некрасова (впоследствии поэты-символисты, напротив, отрицали поэтический дар у Некрасова). И.А.Бунин не любил книг Ф.М.Достоевского, называл его «прескверным писателем», критиковал поэзию А.А.Блока. Л.Н.Толстой, стихов вообще не любивший, называл их ребусами, которые необходимо разгадывать; первое место в поэзии он отводил Тютчеву, второе — Лермонтову и лишь третье — Пушкину.

Многие современные исследователи подвергают сомнению былую славу В.Г.Белинского как «гениального» критика. Вот что пишут П.Вайль и А.Генис: «Слава Белинского носила несколько тиранический оттенок. Его назначали в соавторы к классикам. Жандарм от словесности, Белинский поставлен был следить за русскими писателями, чтобы те не слишком высовывались за границы критического реализма»[1]. Не считал В.Г.Белинского гениальным критиком и исследователь И.Розанов, который утверждал: «Под влиянием субъективных вкусов Белинского целая литературная эпоха одних писателей возвеличила, других опустила. Его не всегда справедливая литературная «табель о рангах» дожила и до наших времен»[2].

Действительно, Белинский считал классиками только Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Кольцова. В то же время он критиковал А.С.Грибоедова за его комедию «Горе от ума». И совсем не замеченными им остались Е.А.Баратынский, В.Г.Бенедиктов (о котором другие

современники писали: «Этот почище Пушкина будет»), А.Н.Апухтин (которого тоже называли «будущим Пушкиным») и, самое удивительное, Ф.И.Тютчев. При жизни Белинского было напечатано уже 80 стихотворений Тютчева, но ни одно из них не было удостоено внимания критика. Слава к Тютчеву пришла тогда, когда его стихотворению «Есть в осени первоначальной…» исполнилось уже 10 лет, а стихотворению «Люблю грозу в начале мая…» — 25 лет.

Не сложились отношения со славой и у А.С.Пушкина; известно, что его книги при жизни залеживались на полках книжных магазинов. И после смерти его слава заглохла еще на 50 лет. Только к концу XIX в. имя Пушкина вновь вспыхнуло ярким блеском.

Многие произведения писателей у современников имели шумный успех, а потомками оценивались как «третьестепенные». Например, повесть И.Ф.Богдановича «Душенька» только при жизни автора выдержала 50 изданий. Пьеса А.В.Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» по славе и успеху стояла на втором месте после грибоедовского «Горя от ума», а по количеству афоризмов и крылатых слов, взятых из нее,— на первом. Однако, автор не был возведен в «классики», как А.С.Грибоедов. А ныне имена Богдановича и Сухово-Кобылина известны лишь специалистам-литературоведам.

Часто писателей возводили в классики не за литературные достоинства их произведений, а за определенную социально-политическую направленность. Так, книга А.Н.Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» была первой книгой, с которой расправилась цензура, и трагическая судьба автора создала ему славу мученика. А это сделало неприличным обсуждение чисто литературных достоинств романа. Когда В.И.Ленин поставил его во главу истории развития русского революционного литературного движения, то почти целый век это произведение послушно изучалось в школах и вузах, хотя справедливую оценку дал ему еще Пушкин: «Это очень посредственное произведение, не говоря уже о варварском слоге. Что автор хотел? Он ведь понимал, что книга погубит его, но рассылал по одному экземпляру всем важным вельможам. Возможно, это литературное честолюбие. Радищев мечтал стяжать лавры поэта, а не революционера»[3].

Парадоксальная судьба была также у романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?». Едва ли не худшее из известных русских произведений стало влиятельнейшей из книг. С литературной слабостью романа соглашались все критики. Н.Бердяев писал: «Художественных достоинств этот роман не имеет, он написан неталантливо. И именно поэтому цензура разрешила его, чтобы выставить автора на посмешище перед читающей публикой». А вот отзыв Г.В.Плеханова: «Роман очень тенденциозен, художественных достоинств в нем очень мало». Но роман повлиял на литературную судьбу России. Слава книги потрясла современников. А.И.Герцен писал: «Русские молодые люди после 1862 года — почти все из «Что делать?». Известный профессор литературоведения того времени удивлялся: «За 16 лет пребывания в университете мне не удалось встретить студента, который не читал бы «Что делать?» (эти отзывы о романе приводят в своей книге П.Вайль и А.Генис).

Н.М.Карамзин был одним из первых русских писателей, которому поставлен памятник, но не за литературное творчество, а за 12-томную «Историю государства Российского». Современники считали ее «важнее всего Пушкина». Потомки не переиздавали 100 лет…

В творчестве Пушкина мы на первое место ставим «Евгения Онегина», а современники — «Руслана и Людмилу», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы». Например, за «Бахчисарайский фонтан» автор получил самый высокий по тем временам в русской литературе гонорар.

Различными были литературные вкусы и у самих писателей. Так, Пушкин преклонялся перед стихами Жуковского; Лермонтов выше всех ставил Пушкина; Достоевский — Некрасова и Гоголя; Лев Толстой, не любивший в целом творчество Достоевского, главной книгой считал его роман «Братья Карамазовы»; Горький больше всех произведений любил «Дядю Ваню» Чехова, смотрел пьесу много раз и всегда плакал, а, например, творчество Достоевского совсем не воспринимал; Есенин более всего любил «Слово о полку Игореве» и поэму Гоголя «Мертвые души». Конечно, о вкусах не спорят, но их изучают…

И взаимоотношения в писательском мире были сложными. Была и зависть друг к другу, и ревность к славе. Часто причиной размолвок и даже ссор бывали обвинения в заимствованиях, подражании.

Например, Тургенев усмотрел в ранних рассказах Толстого влияние своих «Записок охотника». Пушкин вынужден был «объясняться» с Жуковским по поводу своей поэмы «Братья-разбойники», а Гончаров упрекал Тургенева в литературном плагиате, считая, что «Дворянское гнездо» списано с его «Обрыва». И здесь мог быть элемент истины. Сам Гончаров вынашивал сюжеты долго и писал медленно, а Тургенев создавал свои произведения быстро. Поделившись своей идеей, Гончаров мог надолго оставить ее, а Тургенев уже через несколько месяцев после замысла выпускал готовый роман. Правда, в литературе до XIX века заимствование сюжетов не считалось предосудительным, и только позже это становится предметом раздоров, иногда доходящих до третейского суда и даже до дуэлей.

Литературное соперничество было между Н.В.Гоголем и Н.В.Кукольником. Когда они учились в Нежинской гимназии и ставили «Недоросля», Кукольник играл Митрофана, а Гоголь — госпожу Простакову. Оба играли прекрасно, и уже тогда начали соперничать. Став писателями, оба имели успех, но произведений друг друга не любили. Гоголь вообще испытал мало радостных минут от общения с литературным миром. Ранимый, чувствительный, замкнутый, робкий в отношениях с людьми, и в то же время человек со странностями (иногда очень заметными), он, конечно, не мог избежать печальной участи — стать объектом для насмешек, недоброжелательства и непонимания. Его мало кто любил просто как человека.

Чаще всего отношения писателей осложнялись на почве несходства их человеческих характеров, разного отношения к жизни и литературе. Пожалуй, наиболее доброжелательные отношения с собратьями по перу сложились только у Тютчева, Гончарова и Чехова.

Ф.И.Тютчев был из тех людей, которые крайне мало заботятся о том, чтобы утвердить свое высокое, особое положение в обществе. Он был обаятельным человеком, обходительным в обращении с женщинами. На роль первой «звезды» на поэтическом небосклоне России он никогда не претендовал. И второй тоже. И третьей… Тютчев вообще не принимал свою литературную деятельность всерьез.

Таким же мягким, даже несколько флегматичным человеком и таким же очаровательным собеседником был и писатель И.А.Гончаров. Он любил уединение, все жизненные перемены воспринимал с добродушием Обломова (современники даже воспринимали их как одно лицо). К своим собратьям по перу относился по-разному: Некрасова недолюбливал, Белинского уважал, Толстого любил. В друзьях он был разборчив, но не каждому открывал свой внутренний мир, на знакомства и поспешные дружбы не был скор. Разговоров на литературные темы особенно не вел, ни к каким литературным течениям никогда не принадлежал, на литературных вечерах появляться не любил и вообще популярности не искал. Это обеспечило Гончарову спокойную жизнь без зависти, без литературного соперничества, без интриг.

Ну, а уж о скромности, интеллигентности, деликатности А.П.Чехова вообще рассказывали легенды. «Каждый человек при Чехове невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть самим собой»,— писал Горький[4]. И вряд ли был на свете другой писатель, который бы, подобно Чехову, тратил столько усилий на то, чтобы всегда оставаться незаметным. Он никогда не выступал с чтением своих произведений и даже в театре, на премьере своих пьес, садился на самые последние ряды. И, глядя на него, никто бы не поверил, что это автор. Первое место в литературе Чехов отводил Льву Толстому, а себе — лишь 87-ое. Он не очень высоко ценил свое творчество и считал, что его скоро забудут.

Конечно, такой человек не имел недоброжелателей или врагов. Вот почему он умел дружить с такими разными по взглядам на жизнь и по характеру людьми, как В.Г.Короленко, А.С.Суворин, Л.Н.Толстой, А.М.Горький. Но самым близким из писателей был для него И.А.Бунин. Сестра Чехова, Мария Павловна, даже говорила, что лучшим биографом писателя она могла бы считать только Бунина.

Остальным же писателям были свойственны и честолюбие, и желание занять первое место в литературе. А это всегда чревато осложнениями в отношениях.

Например, болезненно честолюбив был Ф.М.Достоевский, одна из самых трагичных фигур в русской литературе. В писательском мире творчество Достоевского поначалу было принято весьма прохладно. Его не считали особо талантливым, платили при опубликовании произведений по 150 рублей за лист, тогда как модному и преуспевающему Тургеневу платили по 500 рублей[5]. Это унижало писателя, он считал, что его творчество оценивается не по достоинству. В писательском кругу любили подшучивать над Достоевским, особенно отличался этим Тургенев. Обидчивый и мнительный, Достоевский очень страдал от язвительных насмешек. Как часто бесцеремонность, а иногда даже жестокость таких светских «забав» отравляли жизнь писателям, нервы которых и без того были оголены, как бьющие током провода. И что самое обидное, среди этих насмешников были не только враги, но и друзья. Сплетни, шутки, анекдоты, эпиграммы… Кто из великих людей избежал этого?

Сложным человеком был и поэт Н.А.Некрасов. Пожалуй, никто в русской литературе не был представлен читателю в таком упрощенном виде, как он. Литературный критик А.М.Скабичевский, сотрудничавший с Некрасовым в «Современнике», писал: «Личность Некрасова ничего не имеет общего с тем шаблонным представлением о певце народного горя, к которому мы привыкли. По нашим представлениям, он должен быть Кузьмой-бессеребренником, обладать кротким и нежным сердцем, не пить, не курить, сидеть на чердаке и бряцать на лире впроголодь или же ходить по деревенским хатам и, прислушиваясь к стонам народного горя, заливаться слезами»[6].

Такое одностороннее представление о Некрасове сложилось под влиянием его же стихов. Простые, безыскусные по форме, написанные народным бытовым языком, они создавали у читателя такое же представление об авторе. Между тем, Некрасов, по отзывам современников, был человеком редкого ума, широкого, непредубежденного взгляда на жизнь. Он мог бы стать государственным деятелем, путешественником, ученым — словом, выдающимся человеком на любом поприще. А он выбрал литературу, и этим оказал ей честь.

Многие же хотели, чтобы Некрасов соответствовал придуманному для него специальному образу народного поэта. И он бунтовал. А к распространяемым о себе сплетням относился с полнейшим презрением, был выше этого, как и следует великому человеку.

Но главным достоинством Некрасова было полное отсутствие зависти к молодым, начинающим поэтам. Являясь главой крупнейшего журнала, обладая немалыми средствами, он вывел на литературную дорогу многих талантливых писателей. В дальнейшем такой же писательский подвиг совершит М.Горький, давший «зеленую улицу» начинающим советским писателям.

Многие современники не любили И.С.Тургенева, и это особенно удивительно, ведь по характеру он был человеком мягким, добродушным, романтиком и лириком, душой любого общества, особенно женского. Блистательный собеседник, вокруг которого всегда собирались желающие его послушать, поспорить о судьбах литературы, он все же не был любим в среде собратьев по перу.

Так, А.И.Герцен, при первом знакомстве с ним, вынес заключение, что при всем своем уме и образованности «это натура чисто внешняя, которой не чуждо желание рисоваться перед людьми»[7]. Он показался Герцену даже «фатом» и «Хлестаковым». Писатель П.В.Анненков также отмечал, что у Тургенева была такая черта, как «стремление к оригинальничанью». Он считал позорным походить на других. И иногда даже «навязывал себе всевозможные качества, даже пороки, лишь бы они отличали его от окружающих»[8].

Несмотря на свою литературную славу, наверное, никто так часто, как Тургенев, не становился мишенью для остроумия писателей. С нападками на него выступали как либералы, так и консерваторы. Первые считали его чересчур правым, вторые — чересчур левым. Особенно сильный град эпиграмм вызвал роман Тургенева «Отцы и дети», который не поняли и не приняли ни те, ни другие. Подвергались иронической критике и несколько его либретто для оперетт, написанных им на французском языке и положенных на музыку Полиной Виардо.

Особенно сложными были отношения Тургенева с Н.А.Добролюбовым. На длинные и умные речи Тургенева, обращенные к нему, Добролюбов часто давал односложные ответы и при первой же возможности старался уйти, что обижало писателя, считавшегося хорошим рассказчиком. Общеизвестно, что именно конфликт между ними был одной из причин разрыва Некрасова с известным романистом и раскола в редакции журнала «Современник». И когда вышел роман «Отцы и дети», многие современники во внешности и характере Базарова увидели сходство с Добролюбовым и посчитали, что этим литературным героем Тургенев как бы «сводил счеты» с критиком.

Конечно, Добролюбова не мог не раздражать удачливый и во всем благополучный Тургенев, который был едва ли не единственным русским писателем, чья литературная слава взошла без каких-либо видимых осложнений и лишений. И молодежь России его боготворила, считала своим кумиром. Каждый приезд Тургенева из-за границы воспринимался как знаменательное событие. Он был, в определенном смысле, гостем в своей стране, причем гостем желанным, ожидаемым, а оттого — более значимым, чем те, кого можно было видеть рядом каждый день. Это не могло не вызвать ревности.

Противоречивой личностью был и Л.Н.Толстой. «Самым сложным человеком XIX века» назвал его Горький и назвал не случайно. Никто так, как Толстой, не имел обо всем собственного суждения, часто не совпадающего с общепринятыми оценками. Толстой не любил Шекспира, говоря о нем: «Шекспир — мой враг, которого я терпеть не могу. Все считают обязанностью превозносить его, и почти никто не читает». О Грибоедове Толстой сказал: «Он является не общедоступным, а потому не истинным»; о Салтыкове-Щедрине: «Слишком длинно и утомительно»; о романе Тургенева «Рудин»: «Как мог Тургенев написать такую фальшивую, придуманную вещь?». Толстой не любил пьесу Чехова «Чайка»; о пьесах Островского высказался так: «Из Островского люблю более всего «Бедность не порок», хваленой «Грозы» не понимаю»; не любил произведения Короленко: «Как фальшиво, вы-

думано, сказка не сказка, бог знает, что такое»; отрицательно относился к Козьме Пруткову и вообще юмора не любил и не понимал[9].

Иногда причиной сложных взаимоотношений между писателями становились и личные мотивы. Так, например, отношения Достоевского и Некрасова были осложнены их влюбленностью в одну и ту же женщину — Авдотью Яковлевну Панаеву, жену писателя И.Панаева, а впоследствии — гражданскую жену Некрасова, с которой он прожил около 12 лет.

Тургенев и Лев Толстой, дружившие много лет, чуть не стали участниками дуэли: Тургенев ухаживал за сестрой Толстого, Марией, часто бывал в их доме, что давало повод молодой женщине ожидать предложения руки и сердца, которого не последовало (Тургенев был крайне нерешителен). Эта история надолго развела писателей в разные стороны…

Совсем иным примером могут служить отношения друзей-поэтов А.И.Герцена и Н.П.Огарева. Их дружба не пострадала от того, что через их судьбы прошла одна женщина: после ранней смерти горячо любимой жены Герцен женился на Наталье Тучковой-Огаревой, жене своего друга. Они давно были дружны семьями. Наталья Огарева была влюблена в Наталью Герцен, и когда, умирая, та завещала ей заботу о своем муже и детях, Огарева выполнила желание подруги. Правда, этот брак оказался неудачным, Наталья Тучкова-Огарева была трудным человеком в общении.

На рубеже XIX—XX веков личные драмы также часто становились причиной сложных отношений между писателями. Общеизвестны драматические коллизии в отношениях А.Блока и А.Белого (Белый был влюблен в жену Блока, Любовь Менделееву и очень настойчиво добивался разрушения их брака), В.Брюсова и А.Белого (их общая любовь – Нина Петровская), М.Волошина и Н.Гумилева (их отношения с поэтессой Елизаветой Дмитриевой закончились дуэлью).

В начале века зарождаются новые литературные течения, представителям которых тоже пришлось выслушать немало упреков от маститых писателей. Так, декадентские литературные течения не принимал и резко критиковал Л.Н.Толстой: «Их поэзия, их искусство нравится только их маленькому кружку точно таких же ненормальных людей, каковы они сами»[10]. Взаимными яростными нападками обменивался периодически с ними и М.Горький, даже в молодые годы не «заразившийся» экспериментаторством и всю жизнь тяготевший к классическим литературным традициям. Он писал: «Они прячутся, кто куда может: в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики, печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики, и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи, тропинки религии, всюду внося пошлость, истерические стоны души, все осыпая градом красивеньких, но пустых и холодных слов, звенящих фальшиво»[11].

В литературе XX века страсти и непонимание между писателями были не менее остры. А в послеоктябрьский период взаимоотношения между писателями, их столкновения и борьба определялись не только личностными амбициями, литературным соперничеством, но и политическими взглядами. Литература, задавленная идеологией, научилась на все наклеивать политические ярлыки и совершенно трансформировала представление о художественности как о главном критерии достоинств литературного произведения.

Так, очень сложным было литературное становление известного детского писателя Корнея Чуковского. Его сказка «Мойдодыр» была осуждена Главсоцвосом за то, что в ней автор будто бы оскорбил трубочистов при помощи возмутительных строк: «А нечистым трубочистам / Стыд и срам!». С этим «приговором» вполне согласилась обширная группа писателей того времени в количестве 29 человек, которая выразила автору порицание в «Литературной газете».

Крепко досталось и «Мухе-Цокотухе», о которой писали, что Муха — это переодетая принцесса, а Комар — переодетый принц, и что автор выражает сочувствие чуждым элементам. Эта сказка осуждалась и за то, что Чуковский «подрывает веру советских детей в торжество коллектива». В те годы появился термин «чуковщина», а критики писали: «Основной опасностью нашей детской литературы является «чуковщина»[12].

Много литературных врагов было и у М.Горького, как у всякого заметного человека, и это внушало ему спокойную гордость. В специальном конверте он хранил ругательные, злые письма читателей с различными намеками и издевательствами. Но даже эти письма, со свойственной ему пунктуальностью, он не просто просматривал, а тщательно прочитывал.

Современники тоже неоднозначно оценивали Горького. Так, Л.Н.Толстой писал А.П.Чехову: «Не могу отнестись к Горькому искренно, сам не знаю почему, а не могу. Горький — злой человек... У него душа соглядатая..., ко всему присматривается, все замечает и обо всем доносит какому-то своему Богу»[13]. Неискренним человеком Горького считали многие современники, они писали о том, что у него множество масок, что в жизни он не жил, а «осматривал» жизнь. Его часто сравнивали с машиной, «перерабатывающей» жизненные и книжные впечатления в литературные сюжеты. О нелюбви Горького к правде, доходившей даже до смешного, писал и В.Ходасевич и даже сделал вывод о том, что «сквозь русское освободительное движение он прошел Лукою, лукавым странником»[14].

Иронично отзывалась о молодом Горьком и З.Гиппиус. Особенно высмеивала она тогдашнее его окружение: начинающих писателей, которые почтительно внимали любившему всех поучать Горькому, она зло называла «подмаксимками». А О.Форш писала в 1928 г., что Горький «похож на Ницше... внутренним родством, положившим на их облики общую печать»[15] (и внешне Горький был поразительно похож на Ницше).

Очень резко отзывался о Горьком И.Бунин, считая его человеком честолюбивым. Он писал о том, что Горький скрыл свою истинную биографию ради того, чтобы подчеркнуть свое «низкое» происхождение, что было выгодно в те годы. Правда, это говорилось в пору эмиграции Бунина, когда он с особой настойчивостью стремился «переписать» некоторые страницы истории, переоценить известные факты, в том числе и факты писательских биографий, не отвечавшие его изменившимся политическим взглядам. Вообще, после революции 20-летняя дружба Горького и Бунина была прервана именно по политическим мотивам. Разрыв был тяжел для обоих. Отношения их были непростые, противоречивые и далеко еще историками литературы не изученные. Их обширная переписка (опубликованная лишь частично) состоит из 125 писем.

Горькому принадлежат самые высокие оценки, самые щедрые похвалы таланту Бунина, «какие когда-либо к нему относились»[16]. Горький признавал Бунина знатоком русской души, но между тем писал о нем: «Это сухой, недобрый человек; людей он любит умом... Цену себе знает, даже несколько преувеличивает себя в своих глазах; требовательно честолюбив, капризен в отношении к близким, умеет жестоко пользоваться ими»[17]. Заканчивается эта не слишком лестная характеристика удивительной фразой: «Сколько интересного можно рассказать о нем!». Горький-художник побеждает Горького-человека: отрицательный герой для его писательского глаза всегда был интереснее, чем примитивная благопристойность.

Через жизнь Горького прошло много людей, и в каждого он вглядывался так, словно тот был величайшей загадкой, которую нужно было обязательно разгадать. Одним из таких людей был В.В.Маяковский.

При первом знакомстве они очень понравились друг другу. М.Ф.Андреева, в то время жена Горького, писала, что они «влюбились» друг в друга. Горький восторгался поэтом, но его несколько пугала «зычность» поэзии Маяковского. Признавая необходимость поисков новых поэтических форм, Горький не мог спокойно относиться к ломке классических традиций, которую исповедовал Маяковский.

Маяковский имел другой счет к писателю: он не мог простить Горькому его длительного пребывания в Италии, вдали от России. Он написал резкое и не совсем справедливое стихотворение «Письмо Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», где резко упрекал его за затянувшееся заграничное житье: «Очень жалко мне, товарищ Горький, / Что не видно вас / на стройке наших дней. / Думаете — с Капри, / с горки, / Вам видней?».

Общеизвестно, что сам Маяковский, имея «драчливый» характер, к общепризнанным любимцам не относился. Его не все понимали и принимали. Многим он казался не таким, каким был на самом деле. На него писалось множество эпиграмм — уж слишком он был необычен, нестандартен во всем: в жизни, в творчестве, в отношениях с людьми. Некоторые пародии были откровенно злые, и к этому в свое время приложили руку многие известные советские поэты: Лебедев-Кумач, Жаров, Сельвинский, Безыменский, Архангельский.

Особенно высмеивалась приверженность поэта к «лесенке», многие считали, что он писал так, чтобы получить больше гонорар (тогда платилось построчно). Сам поэт отрицал это и объяснял, что «рубленая фраза» нужна ему для придания стихам маршевого ритма, но пародисты были неумолимы: «Я живу, / толстею, / катаюсь на катере, / Гонорар / стараюсь везде урвать. / А поэзия уходит / к чертовой матери, / на Азорские острова».

Маяковский, читая пародии на себя, хвалил их, потому что считал главным в пародии остроумие и точное попадание в цель. «А на резкость ударов мне, Маяковскому, обижаться не приходится,— писал поэт.— Я сам не вегетарианец»[18].

К писателям-современникам Маяковский относился по-разному. Например, к Александру Блоку он сохранил глубочайшее уважение на всю жизнь. Он прекрасно знал стихи Блока и часто читал их наизусть. На своей книге, подаренной Блоку, поэт написал: «Александру Блоку. Расписка всегдашней любви к его слову». Блок, в свою очередь, подарил Маяковскому книгу своих стихов с надписью: «Владимиру Маяковскому, о котором я в последнее время так много думаю». В.Катаев говорил, что Блок был совестью Маяковского.

А вот с Сергеем Есениным отношения у Маяковского не сложились. По отзывам современников, они ревновали друг друга к славе и соперничали, как две общепризнанные красавицы, каждая из которых претендовала на роль первой «звезды». Встречаясь с Маяковским, Есенин поглядывал на него настороженно и не очень охотно разговаривал с ним. К тому, что писал Маяковский, он относился не то чтобы пренебрежительно, но не скрывал, что это не нравится ему. Особенно отрицательно Есенин отзывался о «рекламных» стихах Маяковского, говорил, что тут пахнет торговлей, а не поэзией. Он считал Маяковского, как поэта, безграмотным: «Писать он умеет, это верно, но разве это поэзия? У него никакого порядка нет, все вещи на вещи лезут. От стихов в жизни порядок должен быть, а у Маяковского все как после землетрясения, да и углы у всех вещей такие острые, что глазам больно. Да, поэтов у нас много, а хороших нет!»[19].

Маяковский, конечно, в долгу не оставался. В стихотворении «Юбилейное», в котором поэт описывает свой воображаемый разговор с Пушкиным, он тоже посетовал, что «чересчур страна моя поэтами нища», а, перечисляя поэтов-современников, уничижительно отозвался о Есенине: «Это ведь из хора! / Балалаечник!».

Эти стихи казались Есенину самой большой обидой. Он всегда благоговейно относился к Пушкину, и его особенно огорчило, что именно при Пушкине Маяковский так резко и несправедливо отозвался о нем. Как будто эти слова мог услышать Пушкин…

В 20—30-е гг. XX в. большой вес в руководстве литературой имел А.Фадеев. С его именем связаны многие трагические страницы в истории литературы XX века. В угоду правящей верхушке он «крушил» М.Булгакова, Е.Замятина, М.Шолохова, Л.Леонова. Фадеев же был главным «гонителем» А.Платонова. В своих критических статьях, написанных по указке Сталина, он называл Платонова «кулацким Иудушкой Головлевым», «отвратительным, фальшивым лицемером», «классовым врагом». Фадеев лично был причастен к репрессиям деятелей культуры (например, В.Мейерхольда). Это была эпоха взаимных доносов. Так, на самого Фадеева только за один 1937 г. в партком Союза писателей поступило 4 заявления, в которых он обвинялся в троцкизме. И лишь личное расположение к нему Сталина спасло Фадеева от расправы.

Любимцем читающей публики в 20-е гг. годы был М.Зощенко. Популярность его была невиданной, несоизмеримой ни с кем. О нем писали лучшие литературоведы того времени, пытаясь разгадать «загадку» таланта Зощенко: Ю.Тынянов, К.Чуковский, Ю.Олеша, С.Маршак. Академик В.Виноградов, известный лингвист, посвятил ему целый трактат «Язык Зощенко». Но в 1929 г. на страницах «Литературной газеты» была развернута дискуссия «Нужна ли сатира советской литературе?». Ряды сатириков после этого поредели. А на Зощенко обрушилась партийная «прислужница» — литературная критика. Его критиковали за мелкотемье, за «клопиную» мораль. Министр идеологии тех лет А.Жданов в своем докладе сказал, что Зощенко «копается в низменных и мелочных сторонах быта». А Сталин назвал его «пошляком», «дураком» и «балаганным рассказчиком».

В один голос с руководителями страны зазвучала критика Зощенко В.Кочетовым, Н.Тихоновым, К.Симоновым. Но не побоялись поддержать его в трудную минуту О.Берггольц, Ю.Герман, Е.Шварц, А.Мариенгоф. Не отвернулись от писателя дружившие с ним актеры Б.Бабочкин, А.Райкин, только что вернувшийся в Союз А.Вертинский.

Яркой личностью был Исаак Бабель, великий одессит; он являлся предметом восхищения многих людей. Он дружил с И.Буниным, С.Есениным, В.Маяковским. Л.Утесов, часто читавший со сцены его рассказы, подарил Бабелю свое фото с надписью: «Единственному человеку, понимающему за жизнь». А лучшим другом Бабеля был поэт Э.Багрицкий. Когда Багрицкий умер и тело его должны были кремировать, Бабель попросил присутствовать при этом.

Но Богом его был М.Горький. Бабель любил его глубоко и преданно и как писателя, и как человека. При Бабеле нельзя было ни одного критического слова сказать о Горьком — все в нем казалось Бабелю прекрасным.

В 1939 г. по доносу своего коллеги по издательству Бабель был арестован. Писатель обвинялся в «подготовке террористических актов в отношении руководителей Советского правительства». При аресте были изъяты все его рукописи (5 папок), которые бесследно исчезли. Предполагается, что они были сожжены работниками НКВД, т.к. в последние годы Бабель собирал материал и намеревался написать книгу о деятельности этих органов. Когда

для его посмертной реабилитации было необходимо представить три положительных отзыва о нем, их дали В.Катаев, И.Эренбург и Е.Пешкова, первая жена Горького.

В 1938 г. опальным становится писатель Б.Пильняк. Его бывший друг К.Федин в страхе отходит от него. Тогда как другие его друзья — Б.Пастернак, А.Ахматова, которые в эти годы сами подвергались острой критике,— даже посвящают Пильняку стихи. А писатель Н.Погодин в знак протеста против ареста Пильняка даже выходит из Союза писателей. Реабилитировали (посмертно) Пильняка одним из самых последних среди писателей. Но даже и тогда Федин, бывший в те годы председателем Союза писателей, выступал против издания его книг, уже подготовленных к печати друзьями Пильняка. Чем задержал знакомство русского читателя с его творчеством еще на 20 лет — произведения Пильняка увидели свет лишь в 80-е годы.

Ольга Берггольц, поэтесса, человек трагической судьбы (она потеряла двух дочек, потом в годы репрессий был расстрелян ее первый муж, поэт Б.Корнилов; ее, беременную, избивали на допросах так, что она потеряла последнего, еще не родившегося ребенка), дружила с такими разными людьми, как А.Фадеев, Н.Клюев, Н.Заболоцкий, М.Светлов, А.Твардовский. А самой близкой ее подругой была А.Ахматова. Когда по постановлению 1946 г. Ахматова была лишена продовольственных карточек, и все знакомые боялись с ней даже здороваться, Берггольц носила ей еду.

Непримиримыми врагами были М.Шолохов и А.Солженицын. Шолохов отзывался о произведениях Солженицына так: «Поражает какое-то болезненное бесстыдство автора, указывающего со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи. У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне, что он — душевнобольной человек, страдающий манией величия. Это злобный сумасшедший, помешавшийся на трагических событиях 37-го года»[20].

Хотя сам Шолохов в разгул репрессий не побоялся протестовать против преследования за инакомыслие. Например, он защищал арестованных сыновей А.Ахматовой и А.Платонова. А в период «замалчивания» творчества А.Ахматовой выдвинул ее книгу (запрещенную и изъятую из библиотек) на соискание Государственной (тогда — Сталинской) премии. Именно настойчивости Шолохова обязан Л.Леонов титулом академика, хотя отношения между ними были далеко не простыми. Шолохов открыто поддержал сатирическую поэму А.Твардовского «Теркин на том свете», когда на нее обрушилась критика. А с другой стороны, Шолохов постоянно нападал на К.Симонова, признанного «отца» военной прозы. У Шолохова, после написания «Судьбы человека» и «Они сражались за Родину», были основания самому претендовать на это почетное звание.

А.Солженицын в своих произведениях и выступлениях зло отозвался об очень многих писателях и поэтах. Человек желчный и сумрачный (как в свое время И.Бунин), он дал множество ядовитых оценок своим современникам: «полканистый Л.Соболев», «дряхлый губошлеп И.Эренбург», «свинокартошка А.Прокофьев», «волковатый В.Кочетов», «разъевшаяся лиса Г.Марков», «чавкающая, старая В.Василевская». Ни об одном авторе не сказал он доброго слова, ни одно произведение не похвалил. А в год присуждения Шолохову премии мира он написал: «В эту осень сунули Нобелевскую премию в палаческие руки Шолохова»[21].

Солженицын всячески поддерживал периодически вспыхивающие в литературоведении споры о лжеавторстве Шолохова по отношению к роману «Тихий Дон». Его усилиями была выпущена в 1971 г. книга «Стремя «Тихого Дона». Автор скрывался под псевдонимом «Д» (Сейчас имя автора известно — И.Медведева-Томашевская).

Очень не любил М.Шолохова и современный писатель В.Астафьев. В свое время он открыто заявил: «Для меня самым радостным днем в моей жизни будет день смерти Шолохова». А перед Солженицыным Астафьев преклоняется и является самым горячим его пропагандистом.

Талантливый писатель и литературовед, В.Шкловский, автор книги о Льве Толстом из серии «ЖЗЛ» и воспоминаний о В.Маяковском, всю жизнь ненавидел творчество М.Булгакова и терпеть не мог его самого.

А.Твардовский, возглавлявший в 60-е годы самый передовой журнал «Новый мир», не побоялся опубликовать ранее опальных писателей Солженицына и Шаламова. Именно он в своем журнале впервые напечатал «Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы» (даже после этого Солженицын нашел что сказать плохого о нем, и семья Твардовского была вынуждена выступить с протестом). Твардовский вывел на литературную дорогу писателей-«деревенщиков», которые тогда нигде не могли опубликовать свои, полные горькой правды, произведения.

А вот поэтов Твардовский не печатал. Даже таких талантливых и граждански острых, как Е.Евтушенко и Р.Рождественский. Ревновал их к поэзии. Человек резкий, несколько высокомерный, Твардовский в оценках литературных произведений был явно не свободен от субъективизма. Даже из корифеев поэзии он не любил Маяковского и особенно Есенина, считал, что тот совсем не знает деревни (сам Твардовский тоже был выходцем из крестьян). Невероятно, но факт: Есенин в свое время также не любил произведений Л.Н.Толстого и смеялся над тем, как он описывает русский народ, о котором ничего не знает.

Интересно сложились отношения Твардовского с поэтом-юмористом В.Ардовым. Сначала Твардовский не любил красавца Ардова и часто пытался задеть его. Однажды он сказал с пренебрежением: «Что это у Вас за фамилия — Ардов?!». Ардов с юмором ответил: «Я Вам не нравлюсь потому, что моя фамилия целиком входит в Вашу». — «Как это?» — «ТвАРДОВ-ский». Александр Трифонович умел ценить шутку. Поэты подружились[22].

Не сложились личные отношения В.Шаламова и А.Солженицына — зачинателей «лагерной» темы. Когда Солженицын задумал написать роман «Архипелаг ГУЛАГ», он обратился ко многим бывшим лагерникам с просьбой принять участие в сборе материала. Шаламов отказался. У них был разный лагерный опыт (у Шаламова — более длительный и горький) и разная последующая судьба: Солженицын стал Лауреатом Нобелевской премии, роскошно жил на Западе, а соотечественники вообще создали «культ Солженицына». Шаламов же после 19-ти лет работы на Колыме потерял зрение, слух и умер в одиночестве и забвении в доме для престарелых.

Человеком исключительного мужества и необыкновенной честности была писательница Лидия Чуковская (дочь Корнея Чуковского). Она была единственная женщина, писавшая о репрессиях, причем в годы самих репрессий — ее повесть «Софья Петровна» (не так давно экранизированная) была написана еще в 1939 г. А когда началась антисолженицыновская кампания, в разгар травли писателя, она осмелилась публично сказать, что «Архипелаг ГУЛАГ» — памятник миллионам невинно убиенных.

Чуковская не любила Андрея Синявского, и его нашумевшая книга «Прогулки с Пушкиным» не понравилась ей. Но когда Шолохов на литературном собрании, обсуждавшем Синявского, сказал, что «таких надо стрелять, а не судить», она обнародовала свое письмо-протест Шолохову.

В разгар кампании, направленной против Владимира Войновича, резко выступал против него Анатолий Рыбаков (хотя раньше они были друзьями). Когда впоследствии Рыбаков

обратился к теме репрессий (роман «Дети Арбата»), многие недоумевали: что ему в этой теме? Сам он от репрессий никак не пострадал, имел счастливую писательскую судьбу. Его упрекали в конъюнктурности, ведь именно на его произведениях «Кортик» и «Бронзовая птица» воспитывались несколько поколений советских детей, увлеченных поисками диверсантов и врагов народа. А теперь о том же самом времени он пишет совсем другое (ведь «Дети Арбата» и дети «Кортика» росли в одно и то же время).

Да, писательские отношения не бывают ровными, как прямая линия, соединяющая две точки. И писатели не всегда бывают во всем идеальными, как нам хотелось бы. Конечно, если бы каждому человеку было дано сначала прожить одну жизнь, как бы «начерно», а потом вторую — чистую,— с учетом сделанных ошибок! Но переписать свою жизнь «набело» никому не дано. И писатели не нуждаются в нашем снисхождении и ханжеском заступничестве. У великого человека даже ошибки великие, а у мелкого — и самые высокие чувства мелки.

Вторжение в область сложных человеческих отношений всегда неделикатно. И к этому вынуждает нас не праздное любопытство, а желание разобраться в характерах великих людей. Многих из них уже давно нет на свете, но их страсти и чувства стали достоянием истории.

Примечания

[1] Вайль П., Генис А. Родная речь. М., 1991. С. 62.
[2] Розанов И. Литературные репутации. М., 1990. С. 98.
[3] Вайль П., Генис А. Родная речь. С. 14.
[4] Горький М. Литературные портреты. М., 1983. С. 86.
[5] Селезнев Ю. Достоевский. М., 1985. С. 78.
[6] Н.А.Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 355.
[7] Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 114.
[8] Там же. С. 102.
[9] Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 252.
[10] Цит. по: Гальперин Ю. Дорисовывая портреты. М., 1991. С. 160.
[11] Горький М. Литературные портреты. М., 1983. С. 184.
[12] Чуковский К. От двух до пяти. М., 1963. С. 199.
[13] Цит. по: Басинский П. Странный Горький // Литературная учеба. 1996. № 5—6. С. 29.
[14] Там же.
[15] Там же. С. 31.
[16] Нинов А. М.Горький и И.Бунин: История отношений. Проблема творчества. Л., 1984. С. 3.
[17] Там же.
[18] Михайлов А. Маяковский. М., 1988. С. 449.
[19] Жизнь Есенина: рассказывают современники. М., 1988. С. 363.
[20] Федь Н. Художник и власть // Молодая гвардия. № 3. 1994. С. 221.
[21] Там же. С. 231.
[22] Дементьев В. Мир поэта: Личность. Творчество. Эпоха. М., 1980. С. 126.

Л.Н.Ротова
г.Нижневартовск

ЛОГИЧЕСКОЕ И СЕМИОТИЧЕСКОЕ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В лингвистической литературе наблюдается процесс постепенного вытеснения традиционных определений слова определениями через знак. Стало общим местом утверждение о том, что язык представляет собой систему знаков, а слово является центральным знаком этой системы. Закономерно возникает вопрос о том, что такое знак и каким образом терминологический аппарат семиотики соотносится с метаязыком лингвистических описаний. В вузовской лингвометодике этот вопрос перерастает в достаточно серьезную проблему.

Целью настоящей статьи является описание источников, изучение которых в процессе специально организованной учебной работы в студенческой аудитории может привести к формированию понятия слова, базирующегося на семиотических установках. С точки зрения педагогической психологии, речь идет о формировании особого типа научного понятия — теоретического (В.В.Давыдов).

Решение проблемы формирования теоретического понятия слова требует обращения к научной литературе, посвященной общей теории знаков, к исследованиям по лингвосемиотике, а также к лингвистическим словарям — толковому, словообразовательному, морфемному. В процессе такой работы возникает необходимость решения целого ряда дополнительных задач, в частности, установления границ между логико-понятийным и семиотическим компонентами в структуре значения слова.

В организационном плане все это осуществляется в форме специального курса или спецсеминара.

Известно, что понятие знака сложилось в конце XIX — начале XX вв., и это послужило толчком к возникновению новой науки — семиотики. Примечательно, что «основы семиотики были сформулированы независимо друг от друга швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром (Курс общей лингвистики) и американским логиком Ч.Пирсом, и с тех пор она продолжает развиваться по двум путям: математико-логическому и лингвистическому»[1]. Ф. де Соссюр формулировал свои постулаты, основываясь на анализе языковых знаков, поэтому ему удалось выделить дихотомии языка и речи, парадигматики и синтагматики, синхронии и диахронии. Он установил дискретность и конвенциональную природу языковых единиц, их системность, указал на линейный характер языковых знаков. Все эти понятия легли в основу лингвосемиотики и структурной лингвистики.

Ф. де Соссюр первым выразил сомнение относительно того, относятся ли к компетенции семиотики «способы выражения, покоящиеся на знаках, в полной мере «естественных», как, например, пантомима»[2]. Языковые знаки не смешивались им ни с какими другими и противопоставлялись как логико-математическим символам (кодам), так и всем остальным знаковым и квазизнаковым образованиям. Эти идеи Ф. де Соссюра обусловили появление новых научных направлений — лингвистической семиотики и структурной лингвистики. Однако методического приложения соссюровское определение знака не получило в силу целого ряда причин.